

УДК 811.161.1'276

Н.Н. Приступа*канд. філол. наук, ст. преподаватель каф. белорусского и иностранных языков
Академии МВД Республики Беларусь***У ИСТОКОВ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ
РУССКОЙ КРЕДИТНОЙ ЛЕКСИКИ**

В статье рассматриваются особенности зарождения и становления системы языковых единиц, номинирующих понятия кредитной сферы деятельности в древнерусском языке. Выполнено описание состава, содержательных характеристик и системной организации семантического поля кредитной лексики на начальном этапе развития кредита в древнерусском государстве. Определены специфические черты семантической структуры специальных номинаций на раннем этапе развития кредитной сферы, отражающие их исходную связь с бытовыми представлениями и понятиями (неоднозначность, синкретизм семантики, диффузность). Установлена неустойчивость и зависимость от контекста специальных кредитных значений в содержательной структуре многозначных номинаций. Выявлены виды системных связей в стихийно складывающейся терминологии, охарактеризована их специфика в анализируемый период (отсутствие упорядоченности парадигматических связей между прототерминами вследствие их семантической неопределенности; обилие однокорневых и разнокорневых номинаций-дублетов с тождественным значением; сосуществование исконно русских и иноязычных номинаций). Констатируется, что на начальном этапе формирования в семантическом поле лексики кредитной сферы деятельности наиболее отчетливо представлены словообразовательные связи.

Кредитные отношения на восточнославянских землях известны со времен праславянского этнического единства [1]. Последующая эволюция кредита на этих землях связана с развитием товарно-денежного оборота. В VI–VII вв. объем международной торговли восточных славян с Византией и арабским Востоком был выше, чем в Западной Европе [2, с. 95]. В IX–XI вв. институт займа на Руси уже стал частью повседневной жизни.

В период XI–XIV вв. кредитные отношения на Руси имели такие засвидетельствованные в письменности черты, как монополия государства в этой деятельности, регламентация проводимых операций, размера процентов. Ссудное право фиксировалось в правовых документах («Русская Правда», позже – «Псковская судная грамота»). Кредитные сделки оформлялись документально.

Наличие письменных свидетельств о кредитной деятельности, правовых и деловых документов Древней Руси обеспечивает возможность фиксации и исследования в древнерусском языке XI–XIV вв. семантического поля номинаций, соотносимых с понятиями названной сферы социальных отношений. Как следует из данных «Словаря русского языка XI–XVII вв.» и «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского, названное поле включало 76 специальных номинаций (с учетом фонетических вариантов – 91 номинация). Совокупность специальных лексем в диахроническом исследовании принято именовать языком для специальных целей (ЯСЦ), или стихийной терминологией. Вместе с тем объединение выявленных номинаций можно рассматривать как потенциальную терминосистему кредитной лексики в ее зачаточном состоянии.

Для системы вообще характерно наличие связей и отношений между ее элементами (определенная организованность), а также неразрывное единство со средой, во взаимоотношениях с которой система проявляет свою целостность [3, с. 513]. Терминосистема – это «упорядоченное множество терминов с зафиксированными отношениями между ними» [4, с. 38]. Важно выяснить, во-первых, как складывается это «множество»; во-вторых, насколько специальные номинации кредитной сферы в древнерусском языке соответствуют понятию «термин» и, наконец, каким образом и в какой мере они упорядочены. Необходимые параметры для изучения становления потенциальной

терминосистемы – количественные, содержательные и системные характеристики специальной лексики.

Лексемы, появившиеся и применявшиеся в донаучный период развития специальных знаний для обозначения объектов специальной области деятельности или специальных представлений, мы, вслед за О.В. Фельде, называем прототерминами [5, с. 240], поскольку эти номинации в аспекте содержания, формы и функционирования не соответствуют выработанным в современном терминоведении требованиям (непротиворечивость семантики, однозначность, отсутствие синонимов, лексическая и формальная краткость, деривационная активность, употребительность, общепринятость и др.) [6, с. 36]. К прототерминам кредитной сферы в рассматриваемый период относились номинации, обобщенно обозначающие сущностные признаки долговых отношений, актуальных для древнерусского государства в начале его истории.

Кредитные отношения в Древней Руси предполагали наличие субъектов (кредитор, заёмщик и поручитель) и объектов кредита: материальная ценность, передаваемая во временное пользование; гарантии возврата (заклад, залог); плата за кредит (лихва, проценты). Субъектами кредита обычно выступали «физические» лица. Заём, проценты, гарантии кредита имели как денежную, так и натуральную форму. Практиковалось документальное оформление кредитных сделок.

Предпосылкой формирования системы терминов кредитной сферы выступала логическая связь понятий кредитной деятельности, фактически изначально обуславливавшая определённую упорядоченность соотносимых с ней номинаций. Поэтому специальную кредитную лексику с момента её появления правомерно рассматривать как семантическое поле (оно определяется как объединение номинативных лексических единиц на основе предметно-понятийной общности). В составе поля можно отграничить ряд лексико-семантических групп (ЛСГ). В частности, группу «ценность, переданная или взятая во временное пользование» образовывали прототермины *дѣлгъ, куна, исто, истое, заимъ*. В ЛСГ «гарантии обеспечения кредита» входили номинации *залогъ, закупъ* ‘заклад, залог’, а также лексема *заклад* с двумя специальными значениями: 1) ‘имущество, ценности, под которые выдается ссуда’; 2) ‘заложники, оставляемые в обеспечение обязательств’. Обширный состав имела группа номинаций с общим значением «ссудный платеж», включающая названия средств, обеспечивающих платность кредита, т.е. лихвы, роста, процентов: *лихва, лихое, накладъ, прибылькъ, прикладъ, растъ, намъ, камато*. К названной ЛСГ относились и номинации, обобщенно выражающие представление о плате за кредит: *мѣзда* ‘вознаграждение; плата; взятка’ и более точные обозначения: *сотница/сѣтьница, сотная лихва* ‘проценты, назначаемые на каждые сто единиц товара, денег и т.п.’. В составе ЛСГ также отмечены обозначения, свидетельствующие о наличии долговых отношений в натуральной форме: *присопъ, просопъ, насопъ* ‘прибавка, взимаемая натурой, в качестве процентов за данный займы хлеб’; *наставъ* ‘прибавка, взимаемая натурой, в качестве процентов за данный займы мед’; о специфике взимания роста: *рѣзь/рѣза* ‘рост, процент’, *прирѣзь* ‘прибыль, лихва’.

Номинации ЛСГ «субъекты кредитной деятельности» выражали понятие о заемщике (*дѣлжъникъ, дѣлжъныи, дѣлжбитъ, заимъникъ*); кредиторе (*заимодавецъ, трапезъникъ*, в том числе о ростовщике (*лихоиманъникъ, лихоимъць, лишевникъ, мѣздоимъць; рѣзовникъ прирѣзоимъць*); и поручителе (*поручень/поручень, поручникъ, порука* ‘поручитель’; *послухъ* ‘свидетель’). В названной ЛСГ может быть выделена подгруппа обозначений «закладные люди», иллюстрирующих специфические реалии сферы долговых отношений в Древней Руси – закладничество и закупничество, при которых гарантией возвращения долга служила личная свобода заемщика. Это лексемы *закупъ, закупень, закупныи человекъ, закупныи, закупленыи, ролѣйный закупъ; закладникъ, закладенъ*, а также номинация *наимитъ/наиметь* ‘человек, попавший в долговую кабалу и обязанный отработать полученную ссуду в хозяйстве землевладельца’.

Состав ЛСГ «кредитные операции» в древнерусском языке был беднее: *заимъ* ‘взятие или ссужение в долг’, *заимание*, *заимование*; *лихоимание*, *лихоимство* ‘ссужение в долг под проценты’; *поручение*, *порука* ‘поручительство’.

Немногочисленна и ЛСГ «документы, оформляющие кредитные отношения», которую образуют номинации *доска*, *грамота*, *дължная грамота*, *серебряная грамота*.

В эволюции языковых явлений следует принимать во внимание два разных кинематических процесса: процесс генезиса, происхождения объекта и процесс его функционирования, развития. Действительно, каждая из ЛСГ, входящих в состав исследуемого поля кредитной лексики, содержит как исходные прототермины, так и появившиеся на протяжении XI–XIV вв. собственно восточнославянские или иноязычные номинации.

Поскольку представления о существенных признаках понятия «кредит» были восприняты славянами вместе с названной деятельностью еще в начале нашей эры, то исконные прототермины восходят к праславянскому языку, в котором понятия сферы долговых отношений получали специальные названия. К ним относится, прежде всего, лексема *дългъ* (**dьlgъ*) с первичным значением ‘деньги или вещи, заем данные или взятые’ [7, вып. 13, с. 179]. Представление о займе нашло выражение в номинации действия *заимъ* (**zajьmъ*) (от праславянских дериватов глагола **jьmati* – **zajeti*, **zajьmati*) [7, вып. 8, с. 224]. Как праславянское наследие О.Н. Трубачев квалифицирует лексему *накладъ* (**nakladъ*) ‘рост, лихва’ [7, вып. 22, с. 126]; старые заимствования из германского *купъ* (**kupъ*) от **kupiti* [7, вып. 13, с. 109–112], *лихва* (**lixva*) [7, вып. 13, с. 97]; праславянское производное с суффиксом *-arъ* от **lixva* – *лихваръ* (**lixvarъ*) ‘ростовщик’ [7, вып. 13, с. 99]. Исходные прототермины фактически были продуктом семантической деривации, если специальное значение возникало на основе переосмысления номинаций бытовых понятий (праславянских и иноязычных) или же морфологической деривации на базе специализирующихся лексем славянской и иноязычной этимологии, включаемых в ЯСЦ кредитной сферы.

Формирование основного состава семантического поля кредитной лексики как потенциальной будущей терминосистемы кредитной сферы продолжается в древнерусском языке. Источники пополнения и способы обогащения специального словаря в XI–XIV вв. были схожи со способами обогащения лексики русского языка в целом [8, с. 92]. На этом этапе древнерусская кредитная лексика пополнялась единицами из старославянского языка как литературно-письменного, стоящего на более высокой ступени развития (*растъ*, *растоимьць*, *прирѣзоимьць*, *лихоимьць*); заимствованиями из греческого, в т.ч. кальками (*грамота*, *трапезник*, *сребродавчий*); единичными номинациями из внутренних диалектов (*намъ*). Оставался актуальным способ семантической деривации, обусловивший вовлечение в состав поля лексем *мзда*, *прибыток*, *послухъ*, *дѣска*, *исто*, *истое*.

Однако особой продуктивностью в древнерусском языке отмечены способы морфологического словообразования. Базой для словопроизводства становились как общеупотребительные слова, так и номинации специальных понятий; используемые способы были типичными для названного периода истории языка, словообразовательные форманты тоже. Так, в суффиксальном словопроизводстве как самом распространенном виде синтетического способа используются общезыковые суффиксы, имеющие общеславянское распространение, что указывает на их древнее происхождение: *-ит-*; *-ик-/-ьник-*; *-ень-*; *-ниѣ-*; *-ьств-*), в том числе нулевые. В итоге возникли дериваты *дължьбитъ* (от *дължьба*), *дължьникъ*, *лишевьникъ*; *рѣзовникъ*; *заимьникъ*, *закладьникъ*, *лихоимьникъ*, *поручьникъ*, *трапезьникъ*; *закладень*, *закупень*; *заим-ѵ-ъ*, *закуп-ѵ-ъ* *приклад-ѵ-ъ*, *присѣп-ѵ-ъ*, *раст-ѵ-ъ*, *рѣз-ѵ-ъ* *наклад-ѵ-ъ*; *рѣз-ѵ-а*, *порук-ѵ-а*; *заимание*, *заимование*, *лихоимание*, *рѣзоимание*, *лихоимство*, *рѣзоимство*. Префиксальное словопроизводство выступает в единичных случаях. Отмечен только один пример: *рѣзь* → *прирѣзь*. Отмечается также сложение основ исконных или появляющихся прототерминов

с праславянскими основами **давьсь* [7, вып. 4, с. 197], **жьтьсь* [7, вып. 8, с. 29], которые выступают в роли опорного компонента: *заим-о-давецъ*, *рѣз-о-имьць*, *прѣрѣз-о-имьць*, *раст-о-имьць*, *лихв-о-имецъ*, *лих-о-имецъ*.

Продуктивность морфологической деривации обусловила появление в древнерусском языке XI–XIV вв. как словообразовательных парадигм, так и целых словообразовательных гнезд, имеющих вершиной ограниченный круг обозначений (праславянские прототермины кредитной сферы или древнейшие номинации, вошедшие в древнерусский язык из разных источников), которые, по сути, выступили каркасом формирующейся системы кредитных терминов. Номинации, образующие словообразовательные парадигмы и гнезда, служили для выражения смежных понятий. Так обеспечивалась этимологическая «прозрачность», а главное, смысловая и формальная связь прототерминов кредитной сферы в синхронии и диахронии.

Заметим, что мотивация вновь возникающих прототерминов могла быть как непосредственной, так и опосредованной, через промежуточные звенья словообразовательной цепи в виде глаголов или прилагательных. Примеры: *дѣлгъ* → *дѣлжити* → *дѣлжьба* → *дѣлжьб-итъ*, *дѣлгъ* → *дѣлжнѣй* → *дѣлжьникъ*; *заимати* → *заимъ* → *заимодавецъ*, *заимати* → *заим-ьникъ*, *заимати* → *заимовати* → *заимование*; *лихва* → *лишев-ьн-икъ*; *лихва* → *лихв-арь*; *лихва* → *лихвоимецъ*; *лихва* → *лихоимати* → *лихоимание* → *лихоиманникъ*; *лихоимати* → *лихоимство* и т.д.

Отношения производности, изначально выступающие между обозначениями, образующими каркас потенциальной терминосистемы кредитной лексики, оставались основным видом содержательных и формальных языковых связей этой системы и на последующих этапах ее становления.

Несмотря на наличие логических, смысловых и формальных связей в семантическом поле древнерусской кредитной лексики, оно, тем не менее, не соответствует представлениям о терминосистеме. Это обусловлено неотчётливостью содержания прототерминов. Например, следовало бы ожидать, что прототермины праславянского происхождения из-за исконного их функционирования в качестве обозначений основных понятий, связанных со сферой долговых отношений, кредитные значения представлены выразительно и однозначно. На самом деле это не так. Древние кредитные номинации возникали в ходе семантической деривации, в процессе становления специальных понятий на основе бытовых представлений и понятий, приспособления существующих обозначений к новым реалиям и понятиям. Как «отголосок» такого происхождения исконных прототерминов, в древнерусском языке в их семантике почти всегда сохраняются связи с неспециальной сферой использования. Так, лексема *дѣлгъ*, отмеченная высокой частотностью функционирования и деривационной активностью (в Словаре древнерусского языка XI–XIV вв. для слова *дѣлгъ* отмечено 176 употреблений, а в словообразовательном гнезде с вершиной *долг* – свыше 20 производных) [9, т. 3, с. 121], помимо основного лексико-семантического варианта (ЛСВ) ‘стоимость, предоставляемая во временное пользование’ и книжно-славянского переносного ЛСВ ‘обязанность’, могла также реализовать значение ‘дань’, а позже, в памятниках XIV–XVI вв. – ‘денежное обязательство’ [10, т. 4, с. 296]. Точно так же лексема *дѣлжьникъ* именовала не только заемщика или кредитора, но и сборщика дани [10, т. 4, с. 302]. Поэтому, несмотря на устойчивые позиции в семантическом поле исконных номинаций *дѣлгъ* и *заимъ*, в древнерусском языке их нельзя назвать терминами в силу неоднозначности и неустойчивости семантики.

Номинации *дѣлгъ*, *заимъ*, кроме этого, относились к семантическим конверсивам, поскольку понятие кредита связано с двусторонними субъектно-объектными отношениями. Значения этих прототерминов обязательно конкретизировались с учетом субъекта: *дѣлгъ* – ‘взятое (для заёмщика) или данное (для кредитора) взаймы’ [10, т. 4, с. 295].

Содержание слова *заимъ* тоже включало и значение ‘предоставляемая во временное пользование ценность’, и значение ‘что-либо взятое во временное пользование’ [9, т. 3, с. 305; 10, т. 5, с. 201]. Аналогично функционировали и дериваты от названных лексем: *дължбитъ*, *дължъникъ*, *дължное*, *заимъникъ* и др.

Смысловая нечеткость древнейших прототерминов могла быть также связана с нерасчлененностью начальной специальной семантики. К примеру, прототермин *заимъ* функционирует только в сфере долговых отношений, однако в зависимости от контекста актуализирует разные кредитные значения: *заимъ* – ‘ценность как объект кредита’ и *заимъ* – ‘кредитная операция’ [10, т. 5, с. 201], одновременно выступая в составе двух ЛСГ.

Если праславянские кредитные прототермины, вовлекаясь в последующие периоды истории языка в семантические процессы, расширяли содержательную структуру и продуцировали новые неспециальные значения, это приводило к их детерминализации. Такой, например, была судьба прототермина праславянского происхождения *накладъ*, в семантике которого в дополнение к основному специальному ЛСВ ‘проценты’, на протяжении XI–XVII вв. развиваются обобщенные значения ‘надбавка’, ‘издержки’, ‘расходы’, ‘ущерб’ [10, т. 10, с. 115–116].

Номинации понятий кредитной сферы, возникшие в древнерусском языке, тоже были далеки от требований, предъявляемых к термину. Кредитная деятельность, выступая частью имущественных отношений в обществе, никогда не была изолирована от повседневного быта, поэтому экспликация специальных значений в древнерусском языке осуществлялась с помощью общеупотребительных лексем с широкой семантикой, которые потенциально были способны выражать представления, связанные с долговыми отношениями, и окказионально их актуализировали. При этом для специальных ЛСВ была характерна зависимость от контекста и ситуации, синкретизм, нерасчлененность их в структуре полисеманта, обуславливающая диффузность структуры поля, нечётливость специальных значений. В частности, только в особых контекстно-ситуативных условиях могли реализовать специальное кредитное значение такие номинации, как *мзда*, известная с «некредитными» значениями ‘воздаяние; вознаграждение’, ‘подношение, взятка’, ‘выкуп’, ‘выплата (денег) за что-либо’ [10, т. 9, с. 145], но в последнем значении, очевидно, способная называть и процент; лексема *послухъ* ‘свидетель’ [10, т. 17, с. 188], пригодная и для именованного лица, засвидетельствовавшего кредитную сделку; полисемант *прибытокъ*, для которого составители «Словаря русского языка XI–XVII вв.» отмечают кредитное значение ‘процент’, что тоже обуславливает включение слова в поле кредитных прототерминов.

Словарные иллюстрации «кредитных» значений для таких слов, однако, не всегда убедительны. Например, для слова *мзда* значения ‘процент’ не актуализирует ни один из контекстов-иллюстраций, хотя о потенциальном присутствии этого ЛСВ в семантической структуре лексемы *мзда* свидетельствуют толкования ее дериватов *мздоимецъ* (XIII в.) и *мздоимник* (XVI в.) – ‘тот, кто берет большие проценты, давая займы; ростовщик’ [10, т. 9, с. 147–148]. Сравним также такие примеры: *Сребра своего не даси в лихву и прибытъкъ. Человек ...сребра своего въ растъ не въдастъ и прибытка не възметъ* [10, т. 19, с. 102–103], в которых слово *прибытокъ* называет нечто отличное от *лихвы* и от *раста* в значениях ‘рост, процент’, так как не заменяет их, а выступает их синонимом.

Древнерусские обозначения в зависимости от контекста могли выражать несколько специальных, кредитных значений: *порука* – это: 1) поручитель, 2) поручительство [10, т. 17, с. 139–140]; *закупъ* – это: 1) заемщик, в качестве залога избравший долговое рабство; 2) сам залог [10, т. 5, с. 227], – что обуславливало их отнесенность сразу к двум ЛСГ, порождая, подобно слову *заимъ*, диффузность структуры формирующегося поля.

Далекими от требований, предъявляемых к термину, были также номинации старославянского и греческого происхождения. Для славянизма *раст* специальное значение ‘рост, процент’ отмечается вторым из шести [10, т. 22, с. 80] и тоже требует для актуализации соответствующего контекста. Лексемы-компози́ты книжно-славянского происхождения *сребродавчий*, *сребропродавчий*, *сребропродавецъ* имели в древнерусском языке нерасчлененную содержательную структуру, так как, будучи кальками с греческого, сохраняли память о многозначной семантике слов языка-источника и реализовали в соответствии с ситуацией не только значение ‘ростовщик’, но и ‘скупщик драгоценностей, меняла’ [10, т. 27, с. 130, 132].

Стабилизация специальных значений в структуре многозначных слов, как исконных, так и иноязычных, носила длительный, сложный, постепенный характер. К примеру, праславянская лексема греческого происхождения *дъска/дъска* [7, вып. 5, с. 224], получившая в процессе метонимического переноса ЛСВ ‘письмена’, а позже и ‘письменный акт’, впервые с неотчетливым кредитным значением отмечена И.И. Срезневским в Суздальской летописи: *даша князю дъскы ... , а бяше на них богатства бес числа* [11, т. 1, ст. 761–762] (здесь, возможно, речь идет о долговой расписке). Но функционирует эта лексема как обозначение письменного акта, в том числе удостоверяющего кредитную сделку, по XVII в. включительно, став базой для образования составных номинаций (*закладная доска*). Для грецизма *грамота*, тоже известного с дописьменной эпохи в значениях ‘письмена’, ‘азбука’; ‘начертание’, ‘надпись’, ‘письмо’, ‘почерк’, ‘грамотность’, ‘письменность’, ЛСВ ‘деловая бумага’ в древнерусском языке фиксируется только на последнем месте [11, т. 1, ст. 578–584; 10, т. 4 с. 119–120], а в последующие периоды эволюции кредитной терминологии названная номинация тоже выступает в кредитной сфере только как биверб – с уточняющей атрибутивной частью (*закладная грамота*, *поручная грамота*, *переводная грамота* и т.п.).

В рассматриваемый период слова с недифференцированной семантикой среди номинаций кредитной сферы преобладают, но совершенствование и уточнение древнейших представлений о долге в древнерусском языке постепенно ведёт к дифференциации понятий и появлению более точных номинаций. Так, в понятии долга как ценности, передаваемой во временное пользование и подлежащей возврату, начинают разграничиваться представления о действительной сумме займа и о процентах на нее. С началом письменности появляются номинации чистого займа – лексемы *исто* ‘капитал, сумма займа’, *истое* ‘сумма, данная взаймы’ [10, т. 6, с. 324, 325], которые в кредитной сфере деятельности были четко противопоставлены прототерминам *лихва*, *рѣзь*, *прирѣзь*, *расть*, *насъпъ*, *лихое* и т.п., выражающим представление о платности кредита, о проценте как вознаграждении за предоставленный заём. Древнейшие обозначения процента дифференцировались и в соответствии с представлениями о денежной или натуральной форме кредита. Б.А. Ларин подчеркивал, что во времена Русской Правды ростовщичество «покоилось на том, что высшей ценностью являлся скот и продукты натурального хозяйства» [12, с. 75]. Поэтому при обозначении лихвы на занятый мед или улей использовалась только номинация *наставъ*, на занятое зерно – *насъпъ*. Правда, эти обозначения не служили уточнению понятий, а, скорее, соответствовали бытовым представлениям. Уточнение понятия «процент» начинается, на наш взгляд, только с появлением номинаций *сътъница*, *сътъная лихва*. Последняя из них, с XII в. называя ‘проценты, начисляемые на каждые сто единиц товара, денег и т.п.’ [10, т. 26, с. 243], достаточно точно выражает понятие о проценте (слово *процент* [<лат. *pro centum* ‘на сотню’] в русском языке имеет значение ‘сотая доля какого-либо количества или числа’). В круг кредитной терминологии лексема входит с переносным значением ‘вознаграждение за пользование чужим капиталом’ [13, с. 386].

Среди отмеченных в древнерусском языке обозначений появляются и другие односторонние прототермины, связанные только со сферой долговых отношений. Так ква-

лифицируются слова *рѣзовникъ*, *рѣзоимание*, *рѣзоимьць*, *прирѣзь*, *прирѣзоимьць* – морфологические дериваты от прототермина *рѣзь* ‘рост, процент’, для которого исконным было значение ‘черта, нарезка’ [11, т. 3, ст. 218–219; 10, т. 22, с. 134]. Метонимический перенос, в ходе которого возникло кредитное значение, был исконно связан с древним обычаем вести счет с помощью зарубок на бирках. Однозначность дериватов от слова *рѣзь*, возможно, связана с его широким использованием в «Русской Правде» (этот документ зафиксировал право, возникшее задолго до XII в.). Названная лексема функционировала активнее других обозначений процента, в том числе и в составе аналитических номинаций *месячный рѣзь*, *третний рѣзь*, *годовой рѣзь*, дифференцировавших понятие процента. Была известна и устойчивая формула *давати в рѣзь* [14, с. 97–98]. Примечателен в связи с этим факт сохранения для лексемы *бирка* толкования ‘палочка, на которой безграмотные люди зарубками и знаками означают прием и отдачу долга’ до начала XIX в. [15, т. 1, с. 188]. Однозначен и дериват от лексемы *расть* ‘лихва, рост’ – *растоимьць*. Следовательно, если в словообразовательные процессы втягивается сформировавшийся кредитный ЛСВ полисеманта, то его дериваты выражают специальные значения однозначно.

Семантическое поле, в составе которого рассматриваются номинации явлений и отношений из сферы кредитной деятельности, выделяется на основе ономаσιологического подхода, который требует, в первую очередь, учета связи языковых единиц с внеязыковой действительностью. Анализ структуры поля показывает, что в древнерусском языке XI–XIV вв. содержательная связность и организация номинаций, функционировавших в сфере кредитной деятельности, выступает именно отражением логико-понятийных связей в структуре самой деятельности. Приоритет этих связей в XI–XIV вв. не является случайным: они выразительно свидетельствуют о том состоянии развития терминов, когда понятие еще неотделимо от конкретного представления об отношениях и реалиях конкретной сферы деятельности, и позволяют опираться на конкретные сведения, которые значились за этими понятиями в истории языка.

О начавшемся формировании терминологии кредитной сферы как особой лексической подсистемы свидетельствует, как отмечено выше, зарождающаяся формально-смысловая, или лингвистическая, связность кредитных протерминов. Она находит выразительное проявление в наличии словообразовательных гнезд однокоренных прототерминов: *дѣлгъ*, *дѣлжныи*, *дѣлжбитъ*, *дѣлжныи*, *дѣлжная грамота*; *заимъ*, *заимание*, *заимованіе*, *заимьникъ*, *заимодавьць*; *закладъ*, *закладень*, *закладникъ*; *закупъ*, *закупнь*, *закупень*, *закупленный*, *закупные люди*; *лихва*, *лихвоимьць*, *лишевникъ*, *лихое*, *лихоимство*, *лихоимьць*, *лихоимьникъ*, *лихоимание*, *лихоиманьникъ*; *порука*, *поручникъ*, *поручныи*, *поручень*, *поручень*, *поручение*; *рѣзь*, *рѣза*, *рѣзовникъ*, *рѣзоимьць*, *рѣзоимание*, *рѣзоимство*, *месячныи рѣзь*, *третныи рѣзь*, *годовой рѣзь* и т.д.

Хотя кредитные номинации древнерусского периода терминами в строгом смысле слова не являются, факт существования указанных гнезд необычайно показателен: наличие словообразовательных гнезд однокоренных терминов признаётся в современном терминоведении одним из характерных формальных признаков терминосистемы.

Однако на рассматриваемом этапе развития долговых отношений говорить о наличии выраженных языковых связей между составляющими семантического поля кредитной лексики преждевременно. Для терминосистемы необходимы чёткие смысловые отношения, свидетельствующие о её упорядоченности: гиперо-гипонимические, когипонимические, парадигматические. Между тем в исследуемом поле преобладают номинации обобщённого характера. Родо-видовые отношения еще только начинают формироваться, причём гипонимы отмечены нестабильностью структуры, последовательно выступают как бивербы: *лихва* – *сотная лихва*; *рѣзь* – *месячный рѣзь*, *третний рѣзь*, *годовой рѣзь*; *грамота* – *должная грамота*, *серебряная грамота*; *закупъ* – *ролѣйный закупъ*. Вследствие семантической неопределенности многих номинаций отсутствует

и чёткая упорядоченность парадигматических связей. Можно указать лишь на антонимические, точнее, на отношения семантической конверсии между единичными однозначными номинациями, скажем, *заимодавецъ* и *закупень*. В остальных случаях установлению парадигматических связей между специальными номинациями препятствует неясность значений, их тесная связь с речевой ситуацией, зависимость от контекста.

Специфический характер в поле кредитной лексики древнерусского языка этого периода имеют синонимические отношения, наличие которых в терминосистеме вообще оценивается противоречиво. В диахроническом исследовании тождество семантической структуры прототерминов, на наш взгляд, тоже является негативным явлением, хотя обусловлено объективными факторами. В силу потребностей номинации, поиска оптимальных обозначений, а также в связи с эволюцией словообразовательного уровня языковой системы при формировании специальной лексики постоянно происходит количественный рост номинаций со сходным значением. В итоге в поле кредитной лексики широко представлены идентичные в семантическом плане слова – как однокорневые, так и лексические номинации-дублеты. Примеры однокорневых номинаций с одинаковым значением отмечены в ЛСГ «субъекты кредитной деятельности»: *закупъ* – *закупень* – *закупленный* – *закупный* – *закупный человек*; *лихоимьць* – *лихоимьникъ* – *лихоиманникъ*; *заимьникъ* – *заимодавецъ*; *закладникъ* – *закладьнь*; *порука* – *поручьникъ* – *поручень*; *сребродавчи* – *сребропродавчи* – *сребропродавьць*; а также в ЛСГ «кредитные операции»: *заимъ* – *заимание* – *заимование*; *лихоимство* – *лихоимание*; *рѣзоимство* – *рѣзоимание*; *порука* – *поручение* и др. Лексические дублетные номинации эквивалентны по содержанию, но имеют разные корни: *расть*, *рѣзь*, *сотница*, *лихва*, *намъ* – номинации ссудного платежа; *лихоимьць*, *рѣзовникъ* – обозначения ростовщика и др. Такие синонимические отношения возникают между иноязычными и древнерусскими лексемами (*лихва* – *накладъ*) или заимствованиями из разных источников (*грамота* – *дѣска*). Наличие дублетных обозначений не способствует упорядоченности системы, а, наоборот, нарушает её, противоречит требованию системности.

Подведём итоги. Анализ состава прототерминов кредитной сферы деятельности, функционирующих в древнерусском языке XI–XIV вв., их содержания и системной организации показывает, что в названный период кредитные номинации взаимосвязаны, прежде всего, вследствие логико-понятийных отношений между обозначаемыми понятиями внеязыковой реальности и на этом основании могут объединяться в семантическое поле, включающее ряд лексико-семантических групп. В данном поле можно констатировать наличие исходной деривационной базы в виде исконных номинаций в силу дописьменного появления кредита; образование на основе их дериватов каркаса формирующейся терминосистемы; расширение деривационной базы за счет вновь появляющихся номинаций разной этимологии; развитие специальных значений в структуре общеупотребительных лексем; лексические заимствования. Однако для большинства номинаций разной этимологии в древнерусском языке однозначная прямая корреляция с понятием кредитной сферы ещё отсутствует, специальное значение занимает обычно периферийное положение в семантической структуре слова и выражено с неодинаковой степенью отчетливости, так как прототерминам были свойственны синкретизм и диффузность семантики, отражающие исходную связь этих специальных номинаций с бытовыми представлениями и понятиями.

Вместе с тем семантическое поле кредитной лексики в древнерусском языке уже обнаруживает некоторые признаки потенциальной терминосистемы, так как в нём констатируются устойчивые формально-семантические связи прототерминов, представленные в виде ряда словообразовательных гнезд. Деривационные связи кредитных номинаций в древнерусском языке XI–XIV вв. можно квалифицировать как доминирующий вид системных отношений в формирующейся кредитной терминологии. Становлению её системной организации препятствует стихийное формирование прототерми-

нов, их количественный рост, обуславливающий избыточность дублетных номинаций и нарушающий упорядоченность зарождающейся терминосистемы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С. В. Славянская Европа V–VIII веков [Электронный ресурс] / С. В. Алексеев. – М. : Вече, 2009. – Режим доступа: http://oldevrasia.ru/library/Sergey-Alekseev_Slavyanskaya-Evroga-V-VIII-vekov/. – Дата доступа: 27.06.2015.
2. Любавский, М. К. Лекции по древней русской истории до конца XIV века : учеб. пособие / М. К. Любавский. – 5-е изд., стер. – СПб. : Лань, 2002. – 480 с.
3. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – 7-е изд. – М. : Республика, 2001. – 719 с.
4. Кобрин, Р. Ю. О понятиях «терминология» и «терминологическая система» / Р. Ю. Кобрин // Татаринов, В. А. История отечественного терминоведения : в 3 т. / В. А. Татаринов. – М. : Моск. Лицей, 2003. – Т. 3 : Аспекты и отрасли терминологических исследований (1973–1992). – С. 35–40.
5. Фельде, О. В. Языки для специальных целей в историко-лингвистическом аспекте / О. В. Фельде // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2013. – Вып. 10, Филология. – С. 50–55.
6. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение : учеб. пособие / С. В. Гринев-Гриневиц. – М. : Академия, 2008. – 304 с.
7. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд : в 38 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1974–2012. – 38 вып.
8. Даниленко, В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – М. : Наука, 1977. – 246 с.
9. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Рус. яз., 1988–1990. – 10 т.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. : в 28 т. [Электронный ресурс] / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1975–2006. – 28 т. – Режим доступа: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii>. – Дата доступа: 12.11.2015.
11. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1893–1912.
12. Ларин, Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.) / Б. А. Ларин. – М. : Высш. шк., 1975. – 327 с.
13. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева ; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986–1987. – Т. 3. – 1987. – 832 с.
14. Тихомиров, М. Н. Пособие для изучения Русской Правды / М. Н. Тихомиров. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1953. – 192 с.
15. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный : в 6 т. – СПб. : Императ. Акад. наук, 1806–1822. – 6 т.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.10.2016

Pristupa N.N. At the Beginnings of Formation of the Russian Credit Term System

The article deals with the origin and formation peculiarities of the system of linguistic units, which denote the concepts of Russian credit term system in the Old Russian language. The description of the composition, semantic characteristics and systems organization of the semantic field of credit vocabulary in the initial stage in the Old Russian state was done. Specific features of the semantic structure of the special categories at an early stage of development of the credit sector, reflecting their original link with the everyday ideas and concepts (ambiguity, semantics, syncretism, diffuse) are identified. In the considered period of time types of system relations in the elemental terminology were found out, their specificity was sum up (lack of regulating on the paradigmatic level because of semantic indeterminacy, a great number of doublets with similar meaning; co-existence of native Russian and foreign naming units). It was concluded that word-formative relations in the initial stage of formation of semantic field of credit vocabulary are represented more distinctly.